

Алексей и Ольга Ракитины *Гувернантка*

Серия «Невыдуманные истории на ночь»

Невыдуманные истории на ночь

Алексей и Ольга Ракитины

Гувернантка

«Издательские решения»

Ракитины А.

Гувернантка / А. Ракитины — «Издательские решения»,
— (Невыдуманные истории на ночь)

ISBN 978-5-44-858445-9

Роман «Гувернантка» является хронологически первым в серии «Невыдуманные истории на ночь». Сюжет его основан на реальных событиях — обстоятельствах расследования подозрительной смерти в апреле 1878 г. Николая Познанского, 18-летнего сына жандармского полковника (в романе — Прознанский). В отравлении была заподозрена домашняя воспитательница, предположительно состоявшая в интимных отношениях с молодым человеком. Интригующие перипетии этого расследования широко обсуждались прессой тех лет.

ISBN 978-5-44-858445-9

© Ракитины А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	17
3	25
4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Гувернантка

Серия «Невыдуманные истории на ночь»

Алексей и Ольга Ракитины

© Алексей и Ольга Ракитины, 2017

ISBN 978-5-4485-8445-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Удивительно теплым апрельским вечером 1878 года к табачной лавке, что на 2-й линии Васильевского острова, зазывно манящей ярко раскрашенной витриной и начищенным колокольчиком у входа, бойко подкатила открытая пролетка. Мужчина импозантного вида с роскошной костяной наборной тростью и утомленным лицом не спеша вошел в лавку, а извозчик на козлах, ссутулив широкую спину, предался ожиданию, погрузившись в состояние дремы с открытыми глазами.

Из подворотни показалась сутулая фигура мужчины в изрядно ношенном сюртуке с поднятым воротником. Этот человек даже не шел, а словно невесомо скользил по булыжной мостовой, бесшумно переставляя свои кривоватые ноги. Приблизившись к экипажу сзади, он точно невзначай заглянул вовнутрь и легкая, почти незаметная ухмылка, отразилась на его лице. Ловким манером он выудил из ряда стоявших в ногах баулов и бьюваров саквояж рыжей свиной кожи, добротный и вместительный. Среди прочей поклажи это была не единственная заманчивая находка, но мужчина, проявив разумную сдержанность, ограничился только этим. Так же бесшумно он скользнул в ближайшую подворотню, оставив кучера нежиться в сладкой дреме.

Вот уже битых 3 часа пристав с дюжиной младших чинов и тремя агентами сыскной полиции проводил обыск на воровской малине Ваньки-Петуха в Дровяном переулке. Всех посетителей трактира на первом этаже и обитателей громадной квартиры-клоповника этажом выше – а таковых оказалось более дюжины – собрали в самой большой комнате, звучно названной хозяином квартиры «зеркальным залом». Своим названием сие грязное помещение было обязано старинным зеркалам, развешанным в простенках между окнами; сами окна были закрыты плотными занавесями, отчего в комнате царил полумрак. Приставленный к задержанным урядник важно прохаживался меж зеркал с облезлым серебром и взыскательно следил, чтобы публика не перешептывалась. Да, если честно, многие ничего такого делать и не пытались, поскольку были пьяны в стельку.

Ночью у Ваньки Петуха шла большая карточная игра и ее азартные участники ныне испытывали вполне понятные последствия перебора пунша и коньяка. Как было всем известно, коньяк, подаваемый Ванькой-Петухом, был бодяжен умельцами на Лиговке, так что на некрепкие или невоздержанные души сей напиток воздействовал в прямом смысле сногшибательно. Тяжелый смрад висел в квартире, это была смесь самых разнородных запахов – алкогольного перегара, печи, немытых потных тел и гуталина с начищенных сапог урядника.

Обыск близился к концу, когда под ворохом ношенной по виду одежды один из полицейских наткнулся на вполне приличный кожаный саквояж. «Не иначе ворованный,» – мелькнула мысль в голове полицейского. Собственно, ворованным тут было почти все, но саквояж желтой кожи с двумя латунными застёжками выделялся среди прочего барахла своей добротностью и явно немалой ценой. Открыв находку, полицейский обнаружил внутри какой-то странный сосуд зеленого стекла, похожий на вместительную кастрюлю с плотно притертой крышкой. Сквозь крышку и ручки была пропущена суровая нить, с остатками сургуча. Очень странная находка.

Саквояж был отнесен приставу, который в свою очередь показал его агенту, допрашивавшему в тот момент Ваньку-Петуха.

– Что внутри? – спросил агент, и не дожидаясь ответа, извлек из саквояжа стеклянный сосуд. На свету сквозь зеленое стекло стало видно, что внутри находится жидкость, в которой плавает нечто бесформенное.

– Саквояж не мой, вижу в первый раз, – поспешно проговорил Ванька Петух, – всех святых призываю в свидетели и крест клятвенно целовать в том готов.

– Ну разумеется, – рассеянно пробормотал сыскарь. Он уже не слушал Ваньку. Секундой позже он поднял крышку и по комнате распространился специфический аптечный запах.

– Эко! – выдохнул потрясенный пристав, а агент развел руками:

– Печень в формалине... Как-то это нехорошо. Ладно бы что-нибудь ботаническое: ежики, там, воробушки всякие в спирте. А вот печень человеческая – это очень даже нехорошо, – задумчиво пробормотал сыщик.

Пораженный увиденным хозяин квартиры приподнялся было со стула, но пристав шагнул к нему навстречу и со всего размаху въехал ладонью в ухо. Ванька-Петух кубарем полетел на пол и завыл:

– Истинный крест, не моё, понятия не имею, знать – не знал, кто принес – не ведаю, подбросили мне.

– Кто подбросил-то? – гаркнул пристав.

– Гости-гости.

– Стервец, веры тебе нет! Счас отправишься с нами в участок, там измордую собственноручно, – пообещал пристав. Надо сказать, прозвучало сие обещание очень даже нешуточно.

– Послушай, Ванька, – невозмутимо продолжил сыскной агент, – Если бы твои гости просто играли в карты, к тебе бы вопросов не было. Конечно, подпольный игорный дом в столице – это нарушение закона, но до известных пределов с сим злом мириться можно. Но твои друзья-уркаганы не просто мошенничали по-крупному, они еще и на человеческие жизни играть стали. Тут тебе, однако, не Сахалин, не Нерчинск и не Вилюйск, так что свои каторжанские ужимки здесь показывать не след.

– Ничего не знаю, ничего! – запричитал Ванька; он сделал попытку подползти к агенту, но его движение остановил пристав, наступив сапогом на спину притоносодержателя, – сам за столом не сиживал, за ставками не следил, ну какой с меня может быть спрос?

– Ты сам подумай, какой может быть спрос с человека, на квартире которого друзья-каторжане – человекоубивцы и ироды окаянные – во время карточной игры ставят на человеческие жизни, а потом в этой же квартире находят извлеченную из тела человеческую печень?

Ванька-Петух заплакал. Он проплакал всю дорогу до околотка и друзья бывшего тюремного сидельца никак не могли понять, что же вызвало эти горючие слезы: искреннее раскаяние или банальное сожаление о собственной бездарно прожитой жизни?

Делом о найденном саквояже с печенью поручили заниматься помощнику окружного прокурора Вадиму Даниловичу Шидловскому. Это был старый опытный служака, обрюзгший и подуставший на государственной службе. Сей почтенный господин взгляд имел обыкновенно сонный и какой – то скучающий.

Оживлялся он обычно при обсуждении званных обедов многочисленных родственников и вообще – лишь при общении с ровней себе. Наделенный богатой родословной и знатной родней, человек этот не то чтобы брезговал людьми простыми – нет, просто они были ему совсем неинтересны. А посему провести первоначальное дознание о саквояже, найденном в притоне Ваньки-Петуха, он поручил своему молодому подчиненному Алексею Ивановичу Шумилову.

Саквояж с печенью в формалине под конвоем прибыл в один из околотков Адмиралтейской части, куда пригласили полицейского доктора, а все задержанные на малине Ваньки-Петуха гопники подверглись весьма пристрастному допросу. После многочисленных и энергичных шлепков, пинков и ударов по ушам выяснить удалось весьма немного: никто из задержанных так и не вспомнил, кем именно саквояж был принесен на квартиру Ваньки. То есть, эти каналы, конечно же, знали правду, но ввиду отсутствия прямых улик добиться этой правды от задержанных не представлялось возможным. Был бы среди задержанных полицейский осве-

домитель – и дело запросто бы сдвинулось с мертвой точки, но такового, увы, среди них не оказалось.

Доктор, несколько помятый, с серым, невыразительным лицом, нацепив на переносицу круглые стеклышки пенсне, открыл стеклянный сосуд и внимательно всмотрелся в его содержимое. Казалось, его ничуть не смущает специфический запах и сам вид плоти, в то время как у Шумилова, стоявшего рядом, этот запах вызвал горловой спазм и желание подставить лицо под струю свежего воздуха из приоткрытого окна. Тонким пинцетом доктор подцепил печень, перевернул ее, посмотрел с обратной стороны. После этого, взяв печень двумя пальцами, вытащил ее из формалина и бросил на чашку установленных подле весов. На лице полицейского врача ничего не отразилось во время этой манипуляции; Шумилов же остро ощутил, как болезненно содрогнулся его желудок. Дабы подавить рвотный позыв он с шумом втянул носом воздух, вызвав усмешку доктора:

– Носом-носом дышите, молодой человек. И сядьте-ка, право, на стульчик. В ногах-то в таком деле правды нет, особенно с непривычки.

– Ничего-с, перестоя, не впервой.

– Ну-ну, – доктор продолжал ухмыляться, – вес запишите? Четыре и четыре десятых фунта... Из чего можно заключить, что вес тела человека, потерявшего эту печень, составлял примерно 180 фунтов.

Доктор перебросил печень обратно в судок, закрыл его крышкой, и направились к умывальнику мыть руки.

– Такой вес, скорее соответствует мужчине, нежели женщине, – предположил Шумилов.

– Ну отчегоже-с? Если женщина тучная, рожавшая, то 180 фунтов вес для нее вполне допустимый.

– Что вообще скажете об увиденном?

– Ну-с, что я могу сказать, глядя на это безобразие? Печень, конечно, человеческая. Без видимых повреждений, патологий. Её владелец был человеком непьющим – это однозначно. Отделена она профессионально, хирургически грамотно, так скажем. Работал мастер. О сроке давности судить не берусь, поскольку орган был сразу же помещен в консервант и посмертальным изменениям подвергнуться не успел. Думаю подобное изъятие вряд ли могли сделать в уголовной среде, нужны ведь специальные медицинские инструменты. И навык. Большого, конечно, не скажу, надо произвести исследование в лаборатории.

– На предмет?

– На предмет обнаружения яда, конечно же. Напишите отношение?

– Напишем, – кивнул Шумилов.

– Ну, пишите, – доктор пожал плечами, – Но, к слову сказать, в таких судках зеленого стекла – я имею ввиду эту банку – обычно хранят изъятые органы в анатомичках и лабораториях.

Алексей Иванович Шумилов задумался, остановившись у окна. На перилах чугунной решетки у тротуара ярко играло солнце, воробьи купались в луже. Неся лоток с дымящимися пирожками, прошел молодой румяный булочник. За свою еще совсем небольшую практику Шумилов впервые столкнулся с подобным откровенно дурацким происшествием. По словам доктора получалось, что эта человеческая печень пропала из морга или химической лаборатории. Но как и почему она оказалась в саквояже в воровском притоне? Вряд ли судок в саквояж поместил вор, если таковой действительно похищал судок из анатомички. Представить себе питерского воришку, разгуливающего по городу с человеческой печенью в формалине, было так же невозможно, как увидеть радугу зимой. Нет, скорее всего похищался вовсе не стеклянный судок с печенью – вора интересовал именно дорогой саквояж. Однако, никаких заявлений о краже саквояжа желтой кожи не поступало. Впрочем, ждать таких заявлений и не следовало: кому в голову придет сознаваться в том, что он носит с собой подобные столь странные

вещи? Так или иначе, следовало объездить все морги при больницах, а также лаборатории, где могли исследоваться части человеческого тела. Скорее всего, таких мест не могло быть много: Медико-хирургическая академия, Университет, Высшие женские курсы, там готовили фельдшериц.

Другой вопрос состоял в том, для чего владелец саквояжа поместил в него анатомический судок? Тут предполагать можно было все что угодно; пожалуй, никто кроме самого владельца саквояжа объяснить бы этого и не смог. В подобном деянии могла быть криминальная подоплека – расчленение убитого преступником человека, например; а могла быть банальная глупость – скажем, неумная выходка студентов-медиков, решивших кражей извлеченного органа подшутить над кем-либо.

С такими мыслями Алексей Иванович распорядился отправить находку в Адмиралтейскую часть, где оставить в сохранности до особого распоряжения, а сам направился доложить Шидловскому, своему непосредственному шефу, о результатах собственных изысканий. Вадим Данилович как раз собирался уезжать, но задержался на четверть часа, дабы выслушать помощника.

– То, что на суде присутствует суровая нить и остатки сургуча, наводит на мысль о том, что сосуд с органом был опечатан, – докладывал Шумилин, – Кем и когда это было сделано ныне, к сожалению, установить не представляется возможным, ибо сургуч сломан. Однако, наличие следов опечатывания, а также сам факт консервации человеческого органа в формалине, заставляют думать, владелец саквояжа был врачом, возможно, анатомом, с непонятной целью изъывшим печень из надлежащего для неё места хранения. Человек, положивший сосуд с органом в саквояж мог руководствоваться преступным умыслом, а мог действовать и без оного.

– Я полагаю, что готовилась банальная студенческая шутка, – невпопад заметил помощник прокурора.

– Не такая уж она и банальная.

– Ну, с момента открытия первого анатомического института в 1846 г. у медиков сложился своего рода фольклор, связанный с анатомичкой. С профессором Гиртлем Вы часом знакомы не были?

– Никак нет, Вадим Данилович.

– Ну, а мне довелось накоротке встречаться с этим презанимательным человеком. Это был наш первый прозектор, его привез в Россию еще Пирогов. В иные минуты Гиртль мог оригинально пошутить, с анатомическим, знаете ли, уклоном. Свою первую лекцию он начинал с того, что демонстрировал слушателям, как врач может согреть свои руки в кишечнике неостывшего трупа... – казалось сейчас Шидловский сядет на своего любимого конька и начнёт рассказывать любимые им житейские анекдоты, но помощник прокурора сам себя одернул, – Впрочем, я не о том. Непонятно, почему бандиты не выбросили печень.

– Возможно, их смутила находка, а возможно, они просто не успели.

– Ну-ну. Вы не подумали о том, что мы имеем дело с похитителями трупов? Так сказать, с петербургскими Бурке и Хейром?

Алексей Иванович понял, что имел в виду начальник. Английские преступники Вилльям Бурке и Вилльям Хейр по их собственному признанию в 1820-х годах убили 16 человек, тела которых были проданы профессору анатомии Роберту Ноксу. Тот из полученных тел готовил наглядные пособия для медицинских лекций, которые не без выгоды продавал в университеты.

– Не думаю. Если бы бандиты в доме Василия Петухова действительно убивали людей и извлекали из них внутренние органы, то в подтверждение тому осталось бы множество следов. А таковых нет. Можно предположить, что органы извлекает некий врач-специалист, а бандиты только поставляют тела, но тела-то без печени в нашем распоряжении нет!

– Значит, надо искать такое тело...

Помощник прокурора умел говорить общими фразами и кому как не Шумилину было это хорошо известно.

– Я полагаю объехать завтра больничные морги, навести справки, разумеется, проеду и по анатомичкам; на кафедрах попрошу проверить наглядные пособия. Думаю уложиться в один день, – бодро отчеканил Алексей Иванович, стараясь убедить самого себя в исполнимости сказанного.

Шидловский, застегивая мундир и придирчиво осматривая в зеркале свою физиономию и прыщ, который так некстати вскочил на переносице, благосклонно с огласился:

– Да, голубчик, правильно мыслишь.

Эта способность шефа переходить от официального «Вы» к фамильярному «ты» не переставала удивлять Шумилова.

– Поезжай, порасспроси людей, – продолжал между тем помощник прокурора, – глядишь, владелец саквояжа и отыщется. Возьми себе в помощь кого-либо из надёжных сыскарей, сошлись на меня. Градоначальнику еще не делали доклад о находке, поэтому определяться надо скорее: либо мы её квалифицируем как преступление и возбуждаем дело, либо – нет. Тянуть нельзя. Завтра же мне доложишь.

И когда уже Шумилин стоял в дверях кабинета, Шидловский пригвоздил своего подчиненного полуфразой, по части которых он был большим мастером и которыми умел ставить в тупик даже опытейших канцеляристов:

– Бурке и Хейр не только людей убивали, они еще и могилы раскапывали... Между прочим, они были содомиты!

Означало ли сказанное, что Шумилу надлежало ещё проехаться и по столичным кладбищам, дабы убедиться, что никто не раскапывал свежие могилы?

Весь следующий день Алексей Иванович потратил на то, чтобы обойти все места, где у покойного могли официально изыматься внутренние органы для исследования. Вид этих мрачных помещений, сырость, промозглый холод и специфический запах, витавший там, угрожающе действовали на Шумилова. Каждый раз, выйдя на свежий воздух, он вдыхал полной грудью, встряхивался внутренне, как собака после купания и шел дальше. Его гнал вперед азарт гонимого пса, появление которого он с удивлением отметил у себя. И ничто не могло сбить его с этого пути, даже вид тел с окоченевшими синими ступнями, торчавшими из-под простыней и дерюг (там где таковые вообще были), даже давящая тишина (мертвая!).

Но, к досаде сыщика, продвинулся он мало. Нигде ничего не пропадало – ни тела, ни отдельные органы, даже с посудой везде был полный порядок. «Что же получается, – размышлял Алексей Иванович, устало шагая по сумеречным улицам домой, – нет пропаж из официальных, так сказать, мест. Выходит, препарирование было криминальным? Печень ведь действительно могли взять и не у тела, а у живого человека. Но с какой целью консервировать орган? Ради чего действовать так сложно? Людоество? Можно допустить, но для этого орган следовало сохранять во льду, а не опускать в химикалии. Предъявить орган как доказательство... Чего?» Версий могло быть множество, а реальность всегда могла оказаться такой, что даже самая изощренная фантазия грозила спастись. «Надо подождать, – устало думал Алексей Иванович, – война план покажет. А доклад господину градоначальнику пусть беспокоит господина окружного прокурора.»

Утром следующего дня Шумилов пришел на службу в подавленном и вялом настроении. Всю ночь он провёл как в чад, мысли о стеклянной посуде с человеческой печенью не оставляли его даже во сне и трансформировались в тяжелую дурацкую фантазмагорию, в которой присутствовал Некто с зеленым лицом и руками, украшенными длинными, заворачивающимися книзу ногтями, больше похожими на когти. Этот Некто держал в руках ланцет и, плотоядно ухмыляясь алыми влажными губами, нацеливался на кусок человеческой печени, лежав-

ший перед ним на большом серебряном блюде. «Можно и живую, а можно и у трупа взять, лишь бы свежая была», – рычал зеленокожий, – «На первой лекции по патанатомии профессор Гиртль всегда шутил, что гроб с покойником – это всего лишь консерва, ха-ха-ха.» Весь этот бред тянулся целую ночь, с перерывами, во время которых Шумилов просыпался, и продолжениями после того, как он засыпал опять.

Проснулся Алексей Иванович совершенно измученным и решил, что заболел. Заболеть в Петербурге в конце апреля было немудрено: хотя веселое весеннее солнце вовсю припекало на открытых местах, в тени и возле воды все еще тянуло промозглой сыростью. Позавтракав и выпив чашку обжигающего какао, Алексей Иванович почувствовал себя как будто лучше, но все же мрачное состояние духа его не изменилось. По пути на работу он обдумывал план своих действий на предстоящий день, но с самого начала все пошло не так, как он рассчитывал.

Не успел он раздеться, как в дверь протиснулся дежурный секретарь и быстро, без всяких предисловий, проговорил:

– Алексей Иваныч, там к Вам посетитель. Представился доктором Николаевским. Я направлю, пусть пройдет?

Фамилия «Николаевский» ничего Шумилову не говорила.

– Ко мне или к Вадиму Даниловичу? – уточнил Шумилов. Будучи рядовым делопроизводителем он занимался чисто техническими вопросами и посетители к нему почти не являлись. Разного рода заявители, просители и свидетели посещение прокуратуры петербургского судебного округа обычно начинали с помощника прокурора.

– Именно к Вам-с.

– Что ж, проси... Кстати, Вадим Данилович, уже прибыли?

– Никак нет, сказался к десяти. Он через Сенат сегодня едет.

– Ясно, направьте, пожалуйста, сюда Николаевского.

Свой кабинет Шумилов делил с еще двумя чиновниками, такими же незначительными, как и он сам. Один из них сейчас находился в отпуске, а второй должен был отсутствовать всю первую половину дня, так что Алексей Иванович мог быть уверен, что его общению с неизвестным доктором никто не помешает. Через пару минут в кабинет не спеша вошел представительный мужчина лет 45, с подбитой сединой бородкой, осанистый и благообразный. В руках он держал дорогую наборную трость из слоновой кости и медицинский саквояж в руках. Во всем его облике угадывалась солидность и обстоятельность. Весенняя слякоть ничуть не испортила дорогих английских туфель из крокодиловой кожи, а здоровый цвет лица свидетельствовал о прекрасном пищеварении. Но, казалось, он был чем-то удручен. Последнее обстоятельство, впрочем, в помещении прокуратуры можно было считать почти естественным. Присев на предложенный дешевый венский стул, он начал, обстоятельно и вальяжно:

– Позвольте представиться. Николай Ильич Николаевский, практикующий доктор. Э-э... До меня дошли слухи, что вы нашли саквояж желтой кожи с медицинскими..., – он запнулся, как бы подбирая слова и не произнося более ни звука. Лоб его покрылся испариной, он рефлекторно облизал пересохшие губы и это движение напрочь уничтожило всю его вальяжность. Он потупился и моментально приобрел вид несчастный и потерянный. В комнате повисла тишина, слышалось только мерное движение маятника напольных часов, – ...ну, в общем, с человеческим органом в судке с формалином. Я пришел заявить, что данный саквояж был украден у меня.

Произнеся эти, нелегкие для него слова, он поднял, наконец, глаза и впервые прямо посмотрел в лицо Алексея Ивановича, как бы ожидая его ответной реплики.

– Расскажите поподробней, что это был за орган и как он у вас оказался.

Доктор шумно вздохнул и, теребя ручку небольшого саквояжика, который вольготно располагался на его коленях, начал глухим голосом.

– Видите ли, почти неделю назад, а именно 18 апреля, скончался мой пациент, 18-летний молодой человек Николай Прознанский. Он был болен краснухой, болезнь дала осложнение и затянулась. Однако смертельного исхода никто не ожидал, это была полная неожиданность прежде всего для меня самого. А для родных юноши тем более. Главный казус состоял в том, что больной уже пошел было на поправку. Без установления причины смерти я как лечащий врач не мог выдать разрешение на захоронение тела. Поскольку причина смерти мне представлялась... м-м... неочевидной, я решил организовать аутопсию, то есть вскрытие тела. Оно было проведено третьего дня в Медико-хирургической академии, в том корпусе на Греческом проспекте, который вы не далее как вчера посетили. В ходе аутопсии было проведено изъятие внутренних органов для дальнейшей химической экспертизы в лаборатории. Все было должным образом оформлено. Я присутствовал во время этой процедуры как по своему профессиональному, так и нравственному долгу ибо умерший молодой человек, как и, собственно, вся его семья, мои давние пациенты. Но, видите ли... м-м... если идти обычным путем, как то предписано правилами, экспертиза могла растянуться на месяц или около того. Чтобы ускорить процедуру я договорился со знакомыми врачами из лаборатории в Петербургском университете о проведении потребного химического исследования. Для этого я должен был доставить на Васильевский остров изъятые при вскрытии тела органы Прознанского. Когда вскрытие закончилось был уже вечер, а потому я повез свою поклажу на извозчике к себе домой... м-м... полагая с утра отправиться напрямиком в университет. И вот тут-то...

Доктор опять замялся, неловко кашлянул и потупился как ребенок, очевидно, предполагая, что Шумилов продолжит рассказ вместо него и тем самым облегчит признание. Алексей Иванович уже понял каковой будет концовка этой истории, но помогать доктору не спешил и выжидательно молчал.

– М-да, так вот... я велел извозчику остановиться у лавки Попова, что на Васильевском острове, купить сигар, а саквояж желтой кожи остался в извозчике. Ну, там еще была поклажа – баулы, коробки, потому что изъятых фрагментов было много – сердце, легкое, почка, желудок, мозг. Возвратясь, я поначалу даже не заметил пропажи, понимаете? И даже когда домой приехал, тоже не сразу хватился. Не я же сам носил эти коробки, швейцар Степан занес их квартиру. Короче, пропажа обнаружилась только на другой день, это было как раз вчера. Я попытался отыскать саквояж самостоятельно, думал, может в извозчике по ошибке Степан оставил... м-м... может, со стороны извозчика какой умысел был злонамеренный.

– Извозчики так обычно не балуют. Их легко найти и разоблачить, – спокойно проговорил Шумилин, – Продолжайте, пожалуйста.

– Сами понимаете, такой казус, такое пятно на мне. И ведь хотел как лучше, как быстрее все организовать. Ну да, как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад. В общем, ничего я не выяснил и ничего не нашел, – тут доктор опять примолк и посмотрел куда-то вниз, где по всем признакам должны были располагаться ножки стола... – А после обеда был в морге и там мне сказали, что человек из прокуратуры в сопровождении полиции интересовался пропавшими органами, а именно, печенью в формалине. М-да... Назвали Вашу фамилию. Вот я и решил, что пришло время каяться. Вот, собственно, и все.

Шумилов перевел дыхание. История получила самое скорейшее и самое тривиальное разрешение. И отвратительный сон про зеленого человека с ланцетом оказался сплошным вздором и глупостью. И кто только придумал дурацкое выражение «сон в руку»?

– Николай Ильич, а что стало с остальными фрагментами? – спросил Шумилин.

– Так я отвез их, все до единого, в лабораторию университета, на кафедру судебной медицины. Там обещали к сегодняшнему вечеру провести все необходимые исследования. Видите ли, семья убита горем, родители ждут от меня вестей. Вот я и приложил все силы. Как не повезло! – доктор сокрушенно замолчал.

– Скажите пожалуйста, Николай Ильич, а почему вообще возникла необходимость химического исследования? Ведь далеко не во всех случаях назначаются такие исследования. Вы как врач, должны знать об особой инструкции Медицинского комитета Министерства внутренних дел, не так ли?

– Да, конечно, я знаю-знаю... Не корите меня, я сам себя корю! Видите ли, Николай Познанский болел, лечился, принимал лекарства, – доктор вдруг заговорил голосом тихим и невнятным, – Возможны ошибки в дозировках, в работе провизора...

У Шумилова вдруг возникло странное иррациональное ощущение того, что сидящий напротив человек очень боится какого-то вопроса. Вот только Шумилов вопроса этого не знал, а потому не мог пока задать.

– А почему тело покойного Прознанского вскрывалось в Медико-хирургической академии? – наобум спросил Шумилов.

– Он из военной семьи. Отец покойного молодого человека полковник, ему было довольно просто организовать все это без задержек.

Ничего настораживающего в таком ответе не было. В конце-концов, большая часть мужской половины высшего света Российской Империи служила в армии.

– Хорошо, Николай Ильич, – заканчивая разговор с доктором проговорил Шумилов, – напишите, пожалуйста обо всем этом подробно, а потом можете быть свободны. Постарайтесь припомнить приметы извозчика, а также номер его жетона. Вы его сами поймали?

– Нет, швейцар академии по моей просьбе его ловил.

– Прекрасно, еще один свидетель. Напишите обо всем. На отдельном листе перечислите органы, переданные Вами для химического исследования в университет. Через пару дней мы Вас вызовем, если всё будет в порядке, вернем Вам пропажу.

Когда в прокуратуре появился Шидловский, Алексей Иванович перечитывал показания доктора. Все оказалось просто и понятно. Оснований не доверять Николаевскому не было. Шумилов не был идеалистом и давно уже смотрел на мир без иллюзий, но сейчас он был готов дать руку на отсечение, что доктор рассказал ему чистую правду. Хотя, возможно, и не всю. Шидловский выслушал доклад подчиненного, мельком взглянул на странички, исписанные бегущим докторским почерком и барственно прикрыв глаза, распорядился:

– Поезжай-ка ты, Алексей Иваныч, в этот самый университет, да порасспроси людей, что за птица этот доктор, а заодно, может, и результат экспертизы заберешь.

– Боюсь, мне его никто не даст. На каком основании, Вадим Данилович? Дела-то нет! – сдержанно заметил Шумилов. Он старался не пререкаться с деспотичным начальником, но не всегда мог соблюсти это правило. Иногда у помощника прокурора полет слова заметно опережал полет мысли; в такие минуты его словоблудие следовало останавливать в самом начале.

– Ты просто скажешь там... – Шидловский запнулся, задумался на время, и сообразив, что оснований для изъятия текста химического исследования действительно не существует, заговорил о другом, – Чем чёрт не шутит, может статься, парнишка помер неспроста.

Шумилову не надо было повторять дважды. Присутствие в здании прокуратуры начальника действовало на него угнетающе, поэтому Алексей Иванович очень любил разъезды по городу. Сейчас же нетерпеливое ожидание скорой развязки событий явилось для него дополнительным стимулом и он летел как на крыльях. На Дворцовом мосту его обдала фонтаном грязных брызг роскошная коляска на рессорном ходу, но это показалось мелочью и совсем не испортило настроения. Он не замечал ни низкого серого неба, ни пронзительного ветра с Невы, ни угрюмого дворника у дверей длинного университетского корпуса. Алексей не заканчивал Петербургского университета, бывал здесь всего пару раз, причем по делам службы и весьма недолго. Ему потребовалась четверть часа, чтобы отыскать профессора Оскара Штейн-

фера, которому Николаевский передавал для исследования внутренние органы умершего юноши.

– Николаевский? Николай Ильич? Конечно, знаю. Мой коллега уже на протяжении... – седовласый профессор Штейфер задумался на секунду, – без малого 15 лет. Это мой бывший ученик, подавал надежды, доложу я вам. После окончания курса работал здесь же, в университете, на кафедре легочных болезней. Но потом занялся собственной практикой. Хороший доктор и безукоризненной честности человек. Против совести не пойдет. Знаете, у нас как говорят – хороший доктор тот, при одном появлении которого больному становится лучше. Так вот, Николай Ильич как раз таков. Конечно, останься он на кафедре, мог бы принести пользу науке, но, с другой стороны у нас ведь состояния не сделаешь.

– Третьего дня Вы получали от него внутренние органы для химического исследования? – спросил Шумилов и, увидев кивок профессора, продолжил, – Посмотрите на этот список – это действительно те человеческие органы, которые Вам передал Николаевский?

Штейфер приблизил лицо к листу бумаги, протянутому Шумиловым и, близоруко шурясь, взгляделся:

– Да, это те самые органы. Но в факте подобной передачи нет нарушений...

– Оскар Карлович, Вас никто ни в чем не обвиняет. Как и Николаевского. Окружная прокуратура просто проверяет сведения.

– Что ж, будем считать, что Вы меня успокоили.

– Где эти органы находятся сейчас? – уточнил Шумилов.

– Я их передал на кафедру судебной медицины. Там прекрасная химико-токсикологическая лаборатория. Я ведь не сам буду проводить исследования, мое дело – организовать.

– Как я могу поговорить с лицом, ответственным за лабораторный анализ?

– Очень просто. Я Вас отведу.

По гулким коридорам университетского здания профессор провел Шумилова на кафедру судебной медицины и в дверях лаборатории любезно пропустил гостя из прокуратуры вперед. Толкнув тяжелую дверь, Шумилов оказался в просторном кабинете, стены которого были увешаны таблицами и цветными плакатами, показывающими в разрезе части человеческого тела; два длинных стола были плотно заставлены разнообразным химическим оборудованием, а вдоль стен тянулись шкафы с опечатанными дверцами. На большом круглом столе у самой двери, примостился пузатый медный самовар, подле которого хлопотал молодой человек в поддевке. Краник на самоваре не хотел ему поддаваться и молодой человек, отдернув обожженные пальцы, крикнул Шумилову повелительно:

– Слышь-ка, братец, поддержи самовар, да только возьми какую-нибудь тряпицу, а то руки обожжёшь!

Он, видимо, признал в вошедшем своего брата-студента.

Через секунду в лабораторию вошел профессор Штейфер и коротко сказал:

– Павла Николаевича позови! Скажи, что я к нему гостя из окружной прокуратуры привел...

Молодой человек в поддевке только теперь, видимо, заметил под распахнутым пальто Шумилова форменный мундир чиновника министерства юстиции. Он аж даже присел на месте и, пробормотав «Сей момент отыщем...», выскочил за дверь.

Меньше чем через минуту в лаборатории появился ее заведующий. Из записки Николаевского его имя и фамилия были Шумилову известны. Павел Николаевич Загоруйко оказался маленьким плешивым мужичонкой, меньше всего похожим на талантливого представителя академической науки, каковым фактически и признавался всеми. Представившись и присев к столу с самоваром, за которым расположились Штейфер и Шумилов, Загоруйко неожиданно спросил:

– А вы, что же, уже возбудили дело?

Алексей не понял вопроса, но ответил в тон Загоруйко:

– А что, уже пора?

– Полагаю, что да. Николай Прознанский скончался от передозировки морфия. Это как дважды два. Слава Богу, морфий мы умеем надёжно определять. В содержимом желудка, а также в крови обнаружено смертельное содержание морфия. Покойный должен был принять его не менее двух десятых грамма, что соответствует трём аптечным гранам. Конечно, морфий входит в состав некоторых лекарств, но такое количество невозможно получить ни с одним лечебным препаратом. Ну, разве что одномоментно выпить ведро сонных капель, – Загоруйко усмехнулся, – Что невозможно по определению... Так что смерть молодого человека наступила от отравления.

Шумилов был поражен услышанным, а профессор Штейфер залепетал растерянно: «Ай-яй-яй, Боже ж мой, какая некрасивая история и мы здесь...». Он запнулся на полуслове, но мысль его была очевидна – из-за Николаевского он мог быть втянут в уголовное расследование.

– Мне понадобится Ваше заключение, – сказал Шумилов заведующему лабораторией.

– Разумеется, я его Вам предоставляю.

– Я бы хотел кое-что уточнить, – Шумилов задумался на секунду, формулируя мысль, – Вы уверены в прижизненном попадании морфия в организм? Другими словами, Вы не допускаете, что раствор морфия был влит в емкости с органами после аутопсии?

– С какой целью? – в свою очередь спросил Загоруйко.

– Ответьте, пожалуйста, на мой вопрос.

– Понимаю, куда вы клоните, – Загоруйко на минуту задумался, – Вы что же, сомневаетесь, в честности Николаевского?

– Павел Николаевич, Вы же сами судебный медик и знаете порядок назначения и проведения патологоанатомического и судебно-химического исследований. То, что сделал Николаевский...

– Да-да, понимаю. Он нарушил предписанные инструкцией Медицинского комитета правила и сам привез органы на экспертизу. Но для чего ему вливать морфий? Из-за каких-то корыстных соображений? Чушь, не может быть! Это честнейший человек! – Загоруйко энергично встряхнул плешивой головой, и это движение придало ему упрямый вид. – Никогда в это не поверю! Есть такое понятие – врачебная этика. И для Николаевского это не пустой звук. Поверьте мне, я знаю Николая Ильича, и отдаю себе отчет в том, что говорю.

Профессор Штейфер молчал. Он, похоже, уже ни в ком и ни в чем не был уверен.

– Хорошо, не стану настаивать на своих словах, – согласился Шумилов, – в конце-концов, это всего лишь допущение, которое следует иметь в виду. Ответьте, пожалуйста, на другой вопрос: химический анализ вещества печени позволит выявить отравление морфием?

– Позволит. Печень – это фильтр крови. Если морфий поступил в кровь, он обязательно оставит след в печени.

– Завтра Вы получите для исследования человеческую печень. Я бы попросил Вас проверить её на содержание морфия.

На том они и разошлись. Шумилов забрал заключение химической экспертизы и отправился обратно в прокуратуру. Там он успел обо всем доложить Шидловскому, который в свою очередь успел до конца дня выписать постановление о возбуждении уголовного дела (канцелярия Санкт-Петербургской окружной прокуратуры тут же зарегистрировала его). С копией постановления Шумилов отправился в Адмиралтейскую полицейскую часть, где забрал саквояж с судком, украденный у Николаевского, и отвёз его обратно в прокуратуру.

Уже наступил вечер, но в преддверие белых ночей было еще очень светло, только вот стало уже по-ночному холодно и неуютно. Прохожих почти не было, по небу неслись рваные облака, ветер заставлял поднять воротник и спрятать руки поглубже в рукава пальто. Путь

на извозчике не был слишком длинным и его как раз хватило на то, чтобы обдумать ситуацию. Получалось, что подозрения доктора относительно неестественной причины смерти Николая Прознанского оправдались. Интересно было, чем питались таковые, ведь недаром же Николаевский не дал разрешение на погребение без вскрытия и всемерно, даже нарушая правила, способствовал скорейшей экспертизе. Скорее всего, доктор во время своего посещения прокуратуры рассказал далеко не все, что знал, сомнений в этом Шумилов теперь почти не испытывал. С другой стороны, подозрений в адрес Николаевского тоже особых не было; настоящие злоумышленники никогда бы не стали вести себя так, как доктор. Шумилов почти не сомневался, что доктор Николаевский честный человек лишь волею случая ставший жертвой воровства и не очень ловко вышедший из этой ситуации. «Надо составить план действий и завтра с утра согласовать его с Шидловским», – решил Алексей Иванович, подводя итог своим размышлениям.

В своем кабинете он, не раздеваясь, присел к столу и набросал на листе писчей бумаги: «План розыскных мероприятий, отработка версий. 1. Отравление по неосторожности. Возможно, яд принял (или ему дали) по ошибке. Узнать, как и чем лечили, где готовились лекарства. Кем готовились. NB: Есть ли в доме морфий? 2. Самоубийство. Что был за человек? Характер, круг общения. Любовные драмы. Вредные привычки. Хронические заболевания. Долги. Шантаж (доведение до самоубийства). 3. Убийство. Узнать всё об окружении. Кому и чем мог мешать? Кому была выгодна его смерть?» Шумилов застыл над листком со своими записями и уставился невидящими глазами в неподвижную точку прямо перед собой. Дальнейшая детализация плана, очевидно, была сейчас просто не нужна: надо было сначала познакомиться с семьей покойного, окунуться в ее атмосферу и лишь потом задумываться над тем, как развить тот или иной его аспект.

За стенкой дежурный погромыхивал связкой ключей, лязгала печная заслонка, с улицы доносился стук лошадиных копыт проезжающего мимо экипажа.

– Алексей Иванович, пора уже, вы одни остались, – негромко проговорил заглянувший в дверь дежурный, совершавший свой обычный вечерний обход. Шумилов, словно очнувшись, быстро убрал саквояж желтой кожи под стол, свернул листок с планом действий и спрятал его в карман мундира. Сейчас он не сомневался, что впереди его ждало преинтересное, полное загадок расследование, хотя причину своей уверенности Шумилов не смог бы объяснить рационально.

2

На следующее утро Алексей Иванович по дороге на службу заглянул в аптеку на Гороховой. Это было солидное заведение с зеркальными шкафами вдоль стен, шикарным мраморным полом, пальмами в углах торгового зала и внимательными продавцами за прилавками. Старший провизор этой аптеки был хорошо знаком Шумилову, который не так давно своим добрым участием помог ему в одном пренеприятнейшем деле. Сейчас Алексей Иванович имел намерение проконсультироваться у своего знакомого.

– Чем могу служить? – с учтивой готовностью сорваться с места поинтересовался продавец за мореным дубовым прилавком.

– Цизека Ивана Францевича пригласите пожалуйста, – попросил Шумилов.

Интерес в глазах продавца моментально угас; поскольку клиент не собирался совершать покупку, на чаевые ему рассчитывать не приходилось.

– Сей момент... Как прикажете доложить? – поскольку Шумилов был не в форменной шинели, а в обычном коротком пальто, продавец не мог видеть его мундира.

– Шумилов. Просто Шумилов.

– Он Вас действительно знает? – вальяжно поинтересовался продавец, вовсе не спешивший покинуть свое место за прилавком.

– Разумеется, я недавно активировал труп из сундука в его доме. Вам следует поспешить, если Вы не хотите остаться без работы.

Продавца как ветром сдуло. Буквально через минуту в торговый зал выскочил провизор с резиновом фартуке и старом застиранном халате с разноцветными потеками. Его простоватый вид не мог обмануть Шумилова: Цизек, номинально числившийся старшим провизором, был весьма богатым человеком и фактически владел этой аптекой. Кроме того, он владел большим доходным домом на Тележной улице. Немецкая рачительность и педантичность не позволяла этому трудяге довольствоваться сытой жизнью рантье, поэтому он не переставал собственноручно готовить рвотные порошки и капли для глаз.

– Ал-лексей Иванович, так приятно Вас видеть, – с присущим остзейским немцам акцентом заговорил он, – фот Вы и вспомнили про Ивана Францевича! Прошу Вас в мой апартамент на чашэтчку кофэю.

– Простите, Иван Францевич не сейчас. В следующий раз всенепременнейше. А сейчас у меня вопрос.

– Всё чем могу... В любое время, Ал-лексей Иванович, для Вас...

– Хотелось бы узнать, Иван Францевич, в состав каких лекарств входит морфий и какие болезни ими лечат?

– Разрешит-те поинтересоват-ься – а для какой надобности Вам это знат? На больного вы не похожи... – Цизек улыбнулся, давая понять, что шутит, – Уж извинит-те меня за любопытство...

– Больной краснухой умер от отравления морфием, – улыбнулся Шумилов. – Обычное дело, знаете ли.

– Да-да, шутка, понимаю, – провизор, видимо, не воспринял слова Шумилова всерьез, – Краснуха не лечится морфин-содержащими препаратами. Я считаю – поверьте, настоящий провизор всегда хороший доктор! – морфий – это лекарство будущего века. Это прекрасное обезболивающее средство, причем он снимает боль любого характера – от ранений, ожогов, опухолей. Пушкин с т-тяжелейшей раной потчки получал морфий и оставался в сознании, мог разговаривать. В небольших концентрациях морфий действует как прекрасное успокаивающее средство. Им лечится бессонница, головные боли, истерия. Он имеет оч-чень много специфических областей прим-енения: глазные капли, напрымэр, специфические женские боли... Ну,

и еще это сильный яд, если доза превышена. Впрочем, последнее относится к любому лекарству.

– Как, все-таки, насчет краснухи. Её лечат препаратами, содержащими морфий?

– Нет-нет. Ни в коем случае. Анамнез краснухи не требует назначения никаких морфин-содержащих лекарств.

– С этим понятно. Скажите, Иван Францевич, а три аптечных грана чистого морфия – это много? Можно ли умереть от такой дозы? Можно ли принять такую дозу морфия в составе обычного лекарства?

– От трех гранов чистого морфия умрет человек любой комплекции, возраста и здоровья. Безусловно смертельная доза составляет две сотых грам-м-ма при одновременном приеме и пять сотых грамма при приеме на протяжении суток. Врачебные назначения делаются таким образом, чтобы суточная норма, полутчаемая пациентом, ни в коем случае не была смертельной. Даже если пациент ошибётся с дозировкой и примет лекарства больше, чем следует – он не умрет. Имеет значение то, как морфий попадет в организм: самый эффективный способ введения – путем инъекции внутривенно. Собственно, шприц был придуман двадцать лет назад именно для инъекций морфия.

– Не знал этого, – признался Шумилов.

– Это было модное увлечение того времени. Тогда еще не знали, что морфин угнетает дыхание; человек уснет и во сне перестает дышать. Можно сказать – это легкая смерть, насколько вообще можно говорить о лёгкости в этом вопросе.

– Спасибо, Иван Францевич, вы мне очень помогли.

Шумилов раскланялся с любезным провизором и отправился на службу. У самого подъезда здания окружной прокуратуры он столкнулся с Шидловским, что уже само по себе было плохо – шеф не любил, когда подчиненные приходили одновременно с ним. Но еще хуже было то, что Вадим Николаевич не ответил на приветствие, а лишь кратко буркнул: «Зайди ко мне в кабинет». Шумилов достаточно изучил повадки начальника, чтобы понять, что тот пребывает в самом мрачном расположении духа.

– Ты мне не сказал, кем является отец того молодого человека, по факту отравления которого я вчера возбудил дело, – зашипел негодуя Шидловский, едва затворив дверь кабинета, – Ты не потрудился даже узнать это у доктора..., – он запнулся.

– ... Николаевского, – подсказал Шумилов, – Но я это узнал. Отец покойного полковник.

– Да, полковник, – воскликнул помощник прокурора, – корпуса жандармов! И я узнаю об этом совершенно случайно! И совсем не от тебя! Хотя, именно тебе надлежало узнать об этом первым.

Шумилов промолчал. Отчасти начальник был прав, он не уточнил у доктора Николаевского детали семейного быта покойного. Но в тот момент еще никто не знал, что придется возбуждать уголовное дело. Шумилов рассчитывал через день-два вернуть Николаевскому саквояж с судком и забыть всю эту историю.

Шидловский еще какое-то время пенял бессловесному Шумилову, потом, выпустив пар, подитожил сказанное:

– Тут надлежит быть очень осторожными. Дело может приобрести совершенно ненужный нам политический уклон. Ты готов к докладу по существу?

Шумилов понял, что Шидловский находится в растерянности и не знает, что ему надлежит предпринять. Последний вопрос можно было расценить как закамуфлированную просьбу о помощи. Алексей Иванович живо оттарабанил сочиненный накануне план из трех пунктов, сопроводив их необходимыми пояснениями. Ответ Шумилова понравился Шидловскому и тот заметно приободрился:

– Ну, что ж, будем искать морфий. Думаю, найдём его – все решится само собой. Нужен осмотр квартиры. Да и семьей покойного надлежит познакомиться.

Квартира Прознанских располагалась в бельэтаже большого серого здания на Мойке неподалеку от Невского. По пути к этому дому Шидловский раскрыл подчиненному источник своей неожиданной осведомленности: оказалось, что накануне вечером его партнером по мосту был барон Тизенгаузен, один из обер-прокуроров Сената. На протяжении ряда лет почтенный юрист занимался организацией политических судебных процессов, в силу чего прекрасно знал руководящий состав корпуса жандармов. Дмитрий Павлович Прознанский был хорошо ему знаком, о чём Тизенгаузен и уведомил Шидловского. «Об этом человеке мало кто знает,» – многозначительно подытожил свой рассказ Шидловский, – «Полковник Прознанский занят агентурным обеспечением...» Воздетый в небо указательный палец помощника прокурора призван был подтвердить серьёзность этого утверждения. О каком агентурном обеспечении говорил он в эту минуту оставалось только догадываться.

Квартира Прознанских была просторна и удобна, в самую пору для большого семейства с несовершеннолетними чадами и прислугой. Кроме главы семейства, Дмитрия Павловича, в квартире проживали его жена, Софья Платоновна и дети: Алексей, 16 лет и Надежда, 12-летняя тихая девочка, а так же прислуга – кухарка, прачка, горничная. Совсем недавно здесь жил здесь ещё один человек – Николай, Николенька, Николя, о недавней смерти которого напоминал чёрный флёр на зеркалах. Своим человеком в доме была и гувернантка, француженка Мариэтта Жюжеван, уже 5 лет воспитывавшая молодое поколение Прознанских.

Ох, и грустный же это был день! Скорбь царила в квартире, где только накануне похоронили любимого сына и брата. Горе витало в воздухе, оно было в заплаканных глазах, приглушенных голосах и в бесшумном скольжении прислуги по унылым комнатам. Тихо, мрачно. Полковник, встретивший прокурорских работников на пороге дома, был чернее тучи, но по его поведению Шумилов моментально понял, что тот уже был оповещен о заключении химической экспертизы. В доме Прознанских уже находился знакомый Шумилову доктор Николаевский, не было никаких сомнений в том, что следователя здесь ждали.

Перво-наперво Шидловский представился полковнику, выразил ему свои соболезнования, после чего попросил собрать всех домашних и прислугу, дабы сделать объявление. Уже через минуту помощник прокурора стоял в обеденной зале перед шеренгой домочадцев и своим зычным, хорошо поставленным голосом чеканил:

– Примите наши соболезнования. С прискорбием должен сообщить, что как достоверно ныне установлено Николай Дмитриевич Прознанский умер от отравления. По факту его смерти прокуратурой Санкт-Петербургского судебного округа возбуждено расследование, которое веду я – помощник прокурора Шидловский Вадим Данилович. Сообразно правилам ведения следствия все вы будете официально допрошены когда это будет сочтено необходимым. Сейчас мы должны осмотреть квартиру. Согласно правилам это будет сделано в присутствии чинов полицейского ведомства, а также специально приглашенных понятых, поэтому прошу не удивляться появлению в доме посторонних лиц.

Пока Шидловский произносил в абсолютной тишине произносил свой монолог, Алексей Иванович вглядывался в лица присутствующих. От него не укрылась, что реакция их была различной. Мать погибшего Николая, несколько располневшая, но все еще красивая женщина с выражением безысходной скорби на лице, опустила глаза и как-то отрешенно рассматривала узоры добротного паркетного пола. Шумилову показалось, что она словно бы и не удивилась появлению прокурорских чинов в ее доме; скорее всего, она имела какой-то разговор с мужем о предстоящих испытаниях и ждала чего-то в этом роде. Полковник Прознанский был бледен и скорее всего чувствовал себя глубоко униженным. В самом деле, это он являлся прежде черным ангелом возмездия в дома террористов, осуществлял обыски, выемки и аресты, а теперь в его собственном доме будет проводиться то же самое! Такое еще надо стерпеть! Но полковник полностью владел собой и ничем не выразил своих переживаний. Алексей и Наденька, брат

и сестра покойного, были изумлены, в их лицах читалась оторопь. Гувернантка, м-ль Жюжеван, стояла с глазами, полными слёз; не успел Шидловский закончить свою речь, как она поднесла платок к губам и Шумилов увидел, что подбородок ее мелко-мелко задрожал. Французенка, видимо, ничего об отравлении не знала и в эти минуты пережила шок. Слуги – три молодых простолюдинки, ширококостные и русоволосые – стояли точно соляные столбы, опустив глаза. Они, видимо, тоже были поражены услышанным, хотя казались безучастными. Просто, как и многие зависимые от работодателя люди, они боялись своей реакцией вызвать раздражение хозяев; Шумилову подобная непроницаемость слуг была хорошо знакома. Доктор Николаевский выглядел отстранённым и спокойным. Пока Шидловский говорил, он дважды переглянулся с Шумиловым.

Наступила пауза. Не давая ей затянуться, полковник произнес:

– Господа, квартира в вашем полном распоряжении. Все мы окажем Вам всемерное содействие. Я сам провожу вас в комнату Николая, ведь вы захотите начинать обыск оттуда?

Прознанский не задумываясь употребил слово «обыск», которого сам Шидловский, щадя чувства родных покойного, всячески избегал. Но полковник, видимо, не обратил ни малейшего внимания на эту деликатность.

Слуги отправились на кухню, дети с гувернанткой – в музыкальную гостиную, а Шумилов пошел на лестницу звать полицейских, до той поры не входивших в квартиру. Вместе с полицейскими за дверью стояли и понятые – старший домовый дворник и два его помощника – все трое здоровые мужики, кровь с молоком. Шумилов, краем глаза посмотревший на них, отметил их молодость: в дворники согласно полицейской инструкции набирали отслуживших солдат, поэтому как правило это были мужчины лет пятидесяти и даже старше. Дворники же в доме Прознанского были явно моложе. В ту минуту Шумилов не придал особого значения своему наблюдению, хотя впоследствии вспомнил о нем.

Полковник с женой под руку, доктор с Вадимом Даниловичем во главе тем временем прошли в дальнюю комнату, ту самую, где провел свои последние дни Николай Прознанский. Это была уютная, обставленная добротной мебелью и, в общем-то, обыкновенная комната студента. Два книжных шкафа, письменный стол, этажерка с экзотическими безделицами – камнями, раковинами, курительными трубками, портрет некоего импозантного мужчины с каким-то словно онемевшим лицом, множество дагеротипов рамках по стенам. У стены, противоположной окну, рядом с печным углом стояла заправленная металлическая односпальная кровать.

– Это комната Николая, здесь он находился во время болезни, здесь же мы его нашли в то утро... – голос Софьи Платоновны задрожал, она сделала судорожное движение и, подержанная мужем, опустилась на стул.

На пороге комнаты появились понятые и околоточный, они заглядывали через дверной проем, но внутрь не заходили, дабы не создавать лишней толчеи. Последовали привычные для этой процедуры вопросы: куда выходит окно? передвигалась ли кровать? курил ли покойный? какой табак? принимал ли гостей в своей комнате? Шумилов, обойдя комнату по периметру, осмотрел окно, всё ещё закрытое на зиму и присел к столу, собираясь приступить к составлению протокола осмотра и акта об изъятии личных бумаг покойного.

Его внимание привлек довольно большой, грамм на сто, конический пузырек темного стекла, аккуратно задвинутый за чернильный прибор на тумбочке у изголовья кровати и потому почти незаметный со стороны.

– Скажите, доктор, а что это такое? – Шумилов подал Николаевскому свою находку. Врач аккуратно отвернул плотно притертую пробку и принялся. Он не успел ответить, Софья Платоновна опередила доктора:

– Этот пузырек с микстурой для Николаши, он ведь болел краснухой. Эту микстуру прописал Николай Ильич и мы тщательно следили, чтобы она принималась вовремя. Молодежь, сами знаете, не очень-то аккуратна в этом смысле.

– И когда он принял её в последний раз?

– Накануне с..., – Софья Платоновна запнулась, – случившегося, то есть вечером 17-го. Мадмуазель Мари, гувернантка, подала их Николаше. Она на другой день сама об этом рассказала, да вы у неё спросите.

– Видите ли, господа, – вклинился в разговор доктор, – должен заметить, что эта микстура совсем не похожа на ту, что я прописывал Николаю. У неё должен быть ярко выраженный травяной запах и вкус, а эта ничем таким не пахнет, убедитесь сами.

Шумилов взял у доктора склянку и осторожно понюхал содержимое.

– Да, действительно, никакого травяного запаха.

– Забери это для анализа, – распорядился Шидловский, внимательно следивший за разговором.

– Я сразу обратил внимание, что микстура странно пахнет, вернее на то, что у неё нет присущего ей запаха. Да, сразу же, когда приехал утром 18-го, – продолжал доктор.

– И тогда я забрала этот пузырек в свою комнату, – Софья Платоновна говорила словно через силу, было видно, что каждое слово ей дается с трудом.

«Это довольно-таки жестоко – заставлять мать переживать все заново, и это сейчас, когда сына едва успели похоронить,» – подумал Алексей Иванович, но это были те сантименты, которые он никогда бы не осмелился повторить вслух. Вместо этого Шумилов спросил:

– А почему Вы, Софья Платоновна, забрали пузырек в свою комнату, почему просто не выкинули?

Женщина мелко затрясла головой, кудри, небрежно уложенные в прическу, казалось, были готовы сейчас рассыпаться:

– Я не знаю, не знаю!... возможно, я предчувствовала что-то нехорошее... Мне казалось, будет лучше, если микстура постоит у меня, в целости и сохранности. Правда, потом, когда через 2 дня доктор заехал опять и увидел, что пузырька нет на месте, я вернула его на николашину тумбочку. Так она с тех пор и стоит тут.

– Да, – подтвердил доктор, – в тот день должно было состояться анатомирование тела Николая, и я решил по пути проведать Софью Платоновну, у нее в силу очевидных причин было плохое самочувствие, – с этими словами доктор посмотрел на хозяйку дома, – Правда, было еще одно обстоятельство... Знаете, в моей практике подобных инцидентов – когда больной внезапно умирает без видимых на то причин – я даже не припомню, это нонсенс. Конечно, я задавал себе вопрос – правильны ли были мои назначения, нет ли тут моей вины. Понимаете? Меня это очень беспокоило. И поэтому я хотел еще раз проверить все препараты, которые принимал Николай. Не обнаружив микстуры, я спросил у Софьи Платоновны и, узнав, что она хранилась эти дни в ее комнате, попросил вернуть флакон на место... Как чувствовал, что это может оказаться важным.

– Скажите, Софья Платоновна, – тут включился в разговор Шидловский, – а эта комната стояла закрытой после смерти Николая? Мы можем быть в этом уверены?

– Нет, что Вы, – как-то смешалась Софья Платоновна. Она, казалось, совсем не ожидала такого вопроса, – Нет, мы не стали её закрывать, в этом совершенно не было нужды. В ней ночевала мадемуазель Мари.

В воздухе повис невысказанный вопрос, и тогда Софья Платоновна, будто спохватившись, пояснила:

– Наша гувернантка, мадемуазель Мари, вообще-то живет на своей квартире и каждый день приходит заниматься с детьми. В то утро, – она запнулась, – узнав страшную новость, она сразу же приехала и оставалась у нас вплоть до похорон. И ночевала в николашиной комнате.

– Мадемуазель Жюжеван уже пять лет воспитывает наших детей, – вмешался молчавший до того полковник и его слова зазвучали очень весомо, – она – близкий и ценимый всеми человек, как член семьи. Раньше она постоянно жила в нашем доме, но когда Николай поступил в университет, нагрузка мадемуазель стала существенно меньше, у неё образовалось свободное время и, с нашего согласия, она стала давать уроки в других семействах и съехала на отдельную квартиру. Но у нас она, конечно, проводила большую часть дня.

Между тем обыск продолжался. Найденные в письменном столе записки, письма, разрозненные бумаги покойного собрали в картонную коробку, их оказалось не так уж и много. В углу комнаты стоял запертый на замок шкаф. Небольшой латунный ключик нашелся в выдвижном ящике письменного стола в лаковой палехской шкатулке.

– Это химический шкафчик Николая, – пояснил полковник, – Он последние год-полтора очень увлекался химией, всё экспериментировал.

Открыв шкаф, Алексей Иванович увидел ряды баночек, скляночек, пузырьков, пробирок, колб и реторт. Здесь же были спиртовка, большой ком ваты в картонной коробке, кусок черного дегтярного мыла. В коробке из-под монпансье лежало множество бумажек, свёрнутых в виде медицинских конвертиков, в которых больным дают порошки в больницах. Почти все склянки были с этикетками, на которых от руки были выведены латинские названия. В шкафу Николая Прознанского хранилась настоящая химическая лаборатория, причем очень дорогая, если судить по немецким клеймам на стекле.

– М-да, – Шидловский только головой покачал, рассматривая содержимое шкафа, – Забирай-ка всё это на экспертизу, Алексей Иванович.

Шумилов сел писать перечень изымаемого имущества.

– А Вы, Дмитрий Павлович, – обратился между тем помощник прокурора к полковнику, – не могли бы мне сказать, есть ли в Вашем доме морфий?

Полковник быстро и прямо взглянул в лицо Шидловскому:

– Да, есть. Но он в недоступном месте, заперт в моем кабинете. Знаете ли, когда в доме дети... Это в целях безопасности.

– Могли бы Вы мне его показать?

– Разумеется, прошу за мной.

Они вышли, но дверь не прикрыли и Шумилов, продолжавший писать, мог слышать продолжение разговора.

– Скажите пожалуйста, Дмитрий Павлович, – продолжал допытываться Шидловский, – а его не могли взять 17-го числа без вашего ведома?

– Нет, однозначно нет. По целому ряду причин. Достаточно сказать, что 17-е апреля было воскресенье, я был весь день дома, практически все время провёл в кабинете. Да и гость у меня был, Леонард Францевич Польшаун, мы весь вечер провели с ним. В восемь часов подали ужин, к нам присоединилась мадемуазель Мари. Потом мы опять разошлись – она пошла в комнату к Николаю – потому как она весь день за ним ухаживала, а мы вернулись в кабинет. Польшаун уехал около 23-х часов, а Жюжеван – примерно в четверть двенадцатого.

– Есть ещё какая-то причина Вашей уверенности? – спросил Шидловский.

– Скажем так, Вадим Данилович, по роду своей службы я охраняю самые важные секреты, как других людей, доверившихся мне, так и государственные. От того, сколь хорошо я буду хранить эти секреты, зависят жизни множества людей. В буквальном смысле, это не метафора. Если Вы думаете, что в моём собственном доме может быть какой-то беспорядок, что из моего собственного кабинета можно что-то незаметно украсть, то... Вы глубоко ошибаетесь.

В интонациях полковника проскальзывали недовольные и даже сердитые нотки. Шидловский, видимо, вызвал его раздражение. Да это и понятно – кому покажется приятной мысль о том, что ребёнок погиб от яда, хранящегося в отцовском шкафу? Шумилов же, слышавший

этот ответ от первого слова до последнего, почему-то подумал, что жандармский полковник был, конечно, человек неглупый, но весьма самонадеянный.

Пока становой аккуратно упаковывал в коробки содержимое химического шкафчика (Шумилов вкладывал внутрь опись и опечатывал каждую коробку), доктор Николаевский обратился к Шидловскому:

– Господин помощник прокурора, должен заявить, что в доме должен быть еще морфий. Правда, в составе капель от бессонницы, которые я прописывал Софье Платоновне еще в начале апреля. Но там морфия совсем незначительное количество, его невозможно было использовать как яд.

– Да, это так, сейчас я их принесу, – с этими словами Софья Платоновна поднялась с стула и вышла из комнаты. Через минуту она вернулась, держа в руках аптечный пузырек с оттопыренной бумажкой, приделанной к горлышку флакона.

Шидловский внимательно рассмотрел принесенные капли. Флакон был почти не тронут. Было очевидно, что если их и употребляли, то не больше одного-двух раз.

– Капли заказали в аптеке по рецепту Николая Ильича, а забрала их мадемуазель Мари, это было еще числа 11—12 апреля.

– Скажите, а она вообще часто выполняет подобные поручения? – спросил Алексей Иванович. Возможно, ему не следовало вмешиваться в этот разговор, но как показалось Шумилову, подобные услуги не входят в число обязанностей гувернантки.

Софья Платоновна, угадав ход его мысли, поспешила дать подробное разъяснение:

– Мадемуазель Жюжеван не просто гувернантка в нашем доме. – она замолчала, видимо, тщательно подбирая слова, – Мы относимся к ней, как к члену семьи, мы ей всегда доверяли, в конце-концов, на её глазах росли наши дети. Всё-таки 5 лет, согласитесь, срок немалый. Она ведь и жила в нашем доме, причем довольно долго жила. И, заметьте, на полном пансионе, как говорится. Благодаря нам она заработала неплохие деньги, уверяю вас, стала, наконец, самостоятельной женщиной. И что же тут удивительного, если ей хочется быть полезной людям, которые всегда были к ней столь расположены?

Вопрос был риторический, он и прозвучал не как вопрос, а скорее как оправдание.

«Да, видимо, и в самом деле положение этой француженки в доме было не совсем обычно, – подумал Шумилов, – Выполняет почти интимные поручения хозяйки, долгое время живет в семье... именно она, а не мать, сидит целыми днями у постели больного Николая. А потом ее оставляют ночевать в спальне умершего. Надо будет повнимательнее присмотреться к этой даме.»

А вслух он сказал совсем другое:

– Вы упомянули, что в день смерти она приехала к вам с утра. Это был её запланированный визит? И о смерти Николая она узнала уже здесь?

– Нет, совсем не так, – Софья Платоновна подняла на Шидловского красные глаза и, обращаясь более к нему, а не к Шумилову, продолжала, – в тот день она должна была приехать только к обеду, потому что у нее с утра уроки в других домах. Но ее привёз ротмистр Бергер, он в то утро уже побывал у нас и знал о случившемся. Он и рассказал ей. Так что, когда она приехала, то уже все знала.

– А в котором часу это было?

– Она приехала что-то около полудня. Ее привёз Бергер и сразу же уехал.

– Софья Платоновна, а как вообще прошло то утро? Хозяйка дома, вертя в руках носовой платок, прерывисто дыша, начала:

– Часов около 9-ти я зашла в николашину комнату. Там было очень тихо, я ещё удивилась, он просыпался обычно сам не позже 8-и утра. Раздвинула гардины и увидела, что он... неестественно так лежит..., рот приоткрыт, шея выгнута. Я тронула, а он уже почти остыл. Дальше я слабо помню...

– Я слышал крики, – продолжил полковник, – сбежались все, кроме Надежды, она уже в гимназию отправилась. Ну, послал за доктором, конечно. Вскоре за мной заехал ротмистр Бергер, он каждое утро сопровождает меня на службу. Но я на службу в тот день не поехал, отправил ротмистра с поручениями. А он по пути в штаб встретил на улице мадемуазель Мари и доставил её к нам. Вот, собственно, всё.

Осмотрев остальные комнаты этой большой квартиры, упаковав найденный подозрительный флакон и сонные капли г-жи Прознанской, а также содержимое химического шкафчика и бумаги покойного, составив подробный протокол осмотра и акт изъятия, Шумилов в сопровождении полицейского отправился в прокуратуру. Шидловский задержался еще на некоторое время, уединившись с полковником в кабинете.

Весь остаток дня ушёл у Шумилова на составление необходимых для назначения экспертизы бумаг. Химикаты и микстуры были отправлены в лабораторию Департамента полиции для исследования. Результаты можно было ждать не ранее послезавтрашнего дня.

Шидловский до конца дня на своём рабочем месте так и не появился.

Утомленный писаниной и мрачными впечатлениями долгого дня, Алексей Иванович, с удовольствием сбежал с работы чуть раньше положенного. Без четверти пять он уже шагал по многолюдным питерским улицам. Теплый ветер приятно обдувал лицо, качал пробивавшуюся на газонах робкую траву. «Ну, вот, – думал молодой сыщик, – морфий, кажется, нашли, а ответов не прибавилось. Но если окажется, что в склянке из-под микстуры действительно находится яд, то можно ли считать, что наливший его туда является убийцей? Кого юридически корректно следует считать преступником: наливающего яд в сосуд или подающего сосуд жертве? Если между ними сговор – все ясно, эти люди соучастники. Но если один использует другого втемную? Ничего-с, подождем, терпение и труд виновного до суда доведут...» – угваривал сам себя Шумилов.

3

Апрель перевалил в свою последнюю треть и в городе чувствовалась долгожданная весна. По утрам лужи еще бывали иногда схвачены тонкими стекляшками льда, но зато днем все кричало о весне – влажный ветер с Невы нес привет из теплых краев, городская живность выбиралась погреться на солнышке, воробьи устраивали шумное неистовое вече на пока еще голых ветвях тополей в Александровском саду. Радостно и обновлённо смотрели на город уже старательно намытые окна зданий.

Хотелось за город, на природу, не было ни малейшего желания работать. Явившись утром в прокуратуру, Алексей Иванович через силу заставил себя углубиться в изучение писем и прочих бумаг, изъятых давеча во время обыска в доме Прознанских. Это были тетрадки с химическими формулами, большое количество невразумительных коротких писем и записок от приятелей, типа «Ты не забыл? Сегодня у Виневитинова, в 18» или «Николай, мы ждали тебя до последнего. Ищи нас у Маркова». Некоторые записки были на французском. Алексей Иванович обратил внимание, что содержание многих записок было совершенно вздорным и они явно были написаны под воздействием минуты. Покойный молодой человек был, видимо, большим формалистом, раз сохранял не содержащие ничего значительного записки.

Шумилов сразу отложил в сторону две тетрадки с химическими формулами, решив показать их Цизеку. Конечно, можно было назначить официальную экспертизу с привлечением специалистов-химиков (возможно, это еще придется сделать), но в начале расследования Шумилова интересовало суждение приватное, неофициальное, не поставленное в ограничительные рамки юридической нормы, возможно, даже в чем-то интуитивное. Честнейший немец был как раз тем человеком, который мог посмотреть записи Николая Прознанского глазами человека с одной стороны компетентного, а с другой – не скованного никакими официальными рамками.

Содержание архива, который попал в руки Шумилова, доказывало то, что в доказательстве особо и не нуждалось: у Николая были приятели, с которыми он встречался в неформальной, так сказать, обстановке. Молодые люди куда-то вместе ездили – обедали, посещали театр, катались в гости друг к другу, развлекались, одним словом. Обычное дело для студента из обеспеченной семьи. «Вообще-то не мешало бы поговорить со всеми этими юношами. Они наверняка смогли бы немало порассказать, что за человек был Николай Прознанский», – подумал Алексей Иванович.

Одно из писем, извлеченное из стопки бумаг, привлекло его внимание. Конверт слабо благоухал. «Не иначе от женщины», – догадался Шумилов. Это действительно было дамское письмо – но от зрелой женщины или юной девушки по почерку было и не понять. Шумилов заглянул в конверт, выудил из него сложенный втрое листок. Письмо было совсем коротким, а принимая во внимание его содержание, даже оскорбительно-коротким:

«Уважаемый Николай!

Извините, не могу обратиться к Вам «дорогой». Для меня очевидно, что Вы не тот человек, с которым я смогу когда-либо взлететь на облака счастья и связать навеки свою жизнь. Мы слишком разные и не созданы друг для друга, но я уверена, что есть в мире сердце, способное биться в унисон с моим. Не сомневаюсь, что и вы ещё найдете свою любовь и будете счастливы.

Прощайте. Не ищите встреч со мной, это лишено смысла. В. П.»

Алексей Иванович задумался: «Как пошло пишут эти экзальтированные барышни – „взлететь на облака счастья“, „сердце, бьющееся в унисон“ – наверное, начиталась романтических бредней». Казалось очевидным, что это письмо от девушки, с которой у Николая завязывались было, но так и не сложились романтические отношения. Причем, по-видимому, это была девушка его круга, об этом свидетельствовал изящный летящий почерк, отсутствие грамматических ошибок, дорогая веленовая бумага и книжные обороты речи. Вряд ли у девушки,

вынужденной зарабатывать на жизнь, было бы время увлекаться романами и столь бесцеремонно давать от ворот поворот такому ухажеру как покойный Николай Прознанский. Алексей Иванович посмотрел на дату под текстом – «март, 18-е.». Года не было, но сомнений быть не могло, что письмо написано весной 1878 г., т. е. именно этого года, поскольку аромат духов был все еще очень явственным. Что же это получалось? Нежные чувства Николая были отвергнуты ровно за месяц до смерти. Случайность?

Вадим Данилович Шидловский, помощник окружного прокурора Санкт-Петербургского судебного округа, прибыл на службу несколько позже обычного и притом в дурном расположении духа. Еще из-за двери Шумилов услышал его раздраженный басок, который ворчал: «Извозчики, шельмы, не смотрят, кого везут. Остановился, подлец, прямо посреди лужи. Ему не подъехать, видишь ли! Ну, да только со мной такой номер не проходит!» Ему что-то невнятно ответили и через секунду Шидловский уже заглядывал в кабинет, где сидели «его» четыре делопроизводителя, в их числе и Шумилов.

Довольно небрежно поздоровавшись общим кивком со всеми чиновниками, вскочившими при появлении начальника, Шидловский сразу обратился к Шумилову, что свидетельствовало о важности дела, которым занимался последний.

– Так-так, бумаги просматриваете? Помощь нужна? Успеваете? – шеф был верен себе, задавая вопросы, не подразумевавшие корректного ответа. В самом деле, как и куда можно было успеть, если никаких сроков назначено не было?

– Помощь не нужна, справляюсь, Вадим Данилович, – ответил Шумилов.

– А как с протоколом по обыску? Готов? Акты изъятия химикалий переписаны? Подшиты? (Шумилов едва успевал кивать) И когда будут результаты анализов лекарств и реактивов покойного?

– Подождём денька два-три, Вадим Данилович.

– Что так долго? Надо скорее, дело нерядовое...

Только вчера был разговор о том, сколько времени потребуется для исследования веществ из домашней лаборатории покойного, а теперь драгоценный шеф делает вид, будто всё позабыл. Может, и вправду позабыл?

– Там ведь целый шкаф этих склянок, – заметил Шумилов.

– А как насчет бумаг? – мысли шефа совершили полный круг и вернулись к той точке, с которой начинали свое движение.

– Обычные записки от приятелей, две тетрадки с химическими формулами – ничего особенного. Но... нашлось любопытное письмецо – барышня дает Николаю Прознанскому от ворот поворот. Датировано 18 марта, за месяц до смерти. Девушка была, видимо, его круга, хотя пока фамилия её нам неизвестна, – с этими словами Шумилов положил перед Шидловским надушенный листок из конверта.

Нацепив на переносицу пенсне, которое смотрелись нелепо, как нечто инородное на отёчном лице помощника окружного прокурора, Вадим Данилович сначала понюхал край листа и только затем пробежал глазами текст. Задумавшись на несколько секунд, он произнес:

– Эти «Гранжан» во французском магазине Дюрема на Литейном стоят пять рублей грамм. М-да, надо бы про девицу эту разузнать и друзей его аккуратно расспросить. Тут такое дело... – он неожиданно для Шумилова понизил голос и заговорил со столь свойственной ему серьезной почтительностью, как о чем-то чрезвычайном и значительном, – вчера Прознанский-старший такое мне порассказал!... В начале апреля в Канцелярию градоначальника пришло анонимное послание о том, что, якобы, Николай Прознанский состоит членом радикальной молодежной группы. Сами понимаете, Алексей Иванович, дело это нешуточное, особенно в свете недавних событий.

Шидловский пронзительно глянул в глаза Шумилову, словно оценивая, понимает ли тот нешуточность дела. Видимо, увиденное не вполне устроило помощника окружного прокурора, поскольку Шидловский поспешил объяснить:

– Я имею ввиду январский выстрел Засулич, ведь и времени прошло всего ничего! Может, при других обстоятельствах никто и внимания бы не обратил на анонимку, да только не теперь. Да и папаша юнца, полковник Прознанский – не последняя фигура нашей тайной полиции, это не следует упускать из вида. Шутка ли – он обеспечивает безопасность высочайших персон! А от этих радикалов всего можно ждать, у них же ничего святого! – голос Вадима Данилыча опустился до возмущенного шёпота, – Ну, сами понимаете, поднялся переполох, занялись официальной проверкой сообщения, а заодно и неофициальной, подняли на ноги агентов, осведомителей... Прознанского вызывал правитель Канцелярии градоначальника Сергей Фёдорович Христианович на, так сказать, доверительную беседу. Правда, никаких следов этой самой молодежной группы пока не обнаружено.

Шидловский опять взял паузу, испытующе глядя в глаза своего подчиненного.

– А теперь вот странная смерть мальчишки. Сначала анонимка, а меньше чем через три недели – отравление. Кто знает, может статься, умер он неспроста. Быть может, мы ещё увидим в этом деле руку этих самых радикалов-нигилистов, будь они неладны. Помните дело нечаевцев? Те ведь тоже своего дружка убили. И ведь ни за что ровным счетом. Якобы, за то, что выйти хотел из организации, хотя на самом деле не думал Иванов порывать с Нечаевым. Ох, смутные времена!... Короче, так, Алексей Иванович: поезжайте в Канцелярию градоначальника, испросите у них эту анонимку или копию. Хотя, пожалуй, лучше я сам поеду. Документ важный, вам могут не дать. Надо будет его к делу приобщать. Николай-то ведь не мог принять яд по неосторожности, уход за ним был аккуратный. Значит, был чей-то умысел, – Шидловский задумался, глядя в окно и произнес эти последние слова медленно, как бы рассуждая вслух, – Но, впрочем,ждем результатов исследования содержимого его химического шкафа. И опять-таки, флакон с микстурой оказался наполнен непонятно чем...

Было видно, что Шидловский потерял нить рассуждений. Его нельзя было назвать глупым человеком, просто он был рассеян и внимание его легко переключалось на новые впечатления и мысли (если не было новых – на старые, но забытые). Шидловский прекрасно был осведомлён о собственном пороке и именно поэтому всегда свои судебные выступления читал по подробному конспекту.

– Для меня, Вадим Данилович, какие-то поручения у Вас будут? – спросил Шумилов.

– Да, ты вот чем займись, – присмотришься-ка к этой гувернантке. Похоже, она мальчишку хорошо знала. И многое может порассказать. Поговори с ней privately, без записи.

С этими словами Шидловский поднялся, давая понять, что приступить к выполнению этого поручения Шумилову надлежит немедленно. Алексея Ивановича не надо было уговаривать, его активная натура требовала действия, сидение в пыльном кабинете наводило тоску. Шидловский закончил было с ним разговор и перешел к столу другого делопроизводителя, но, вспомнив о чем-то, воздел указующий перст к потолку:

– Да, вот еще, Алексей Иванович, любезный, чуть не забыл... Ты не распространяйся о той истории с саквояжем. Не стоит предавать её огласке – пятнать репутацию доктора... и потом, кража эта – чистая случайность. Полковник Прознанский за доктора попросил, а значит со стороны семьи покойного никаких жалоб не будет. Ну, и нам лишней крови не надо. Как думаешь, Алексей?

Это обращение на «ты» и почти родственное «Алексей» было сигналом особого доверия начальника. Такую просьбу-приказ не уважить было просто невыносимо, да, в конце-концов, и смысла перечить Шидловскому не было ни малейшего.

– Понимаю, Вадим Данилович, – кивнул Шумилов.

А Вадим Данилович, приосанившись, тщательно осмотрел себя в зеркале – не забрызганы ли, часом, грязью его штиблеты и достаточно ли выглядывают из рукавов мундира крахмальные манжеты.

4

Покинув здание прокуратуры Алексей Иванович Шумилов направился на квартиру Прознанских. Как ни тягостно было вновь окунаться в атмосферу горя, но именно там можно и нужно было узнать, с кем дружил Николай и кто скрывался за таинственной подписью «В.П.». Кроме того, обязательно следовало поговорить с этой француженкой, гувернанткой. Именно она ухаживала за больным Николаем, именно она давала ему в последний раз лекарство.

Из головы Шумилова не шел зеленый пузырек из-под микстуры, в котором почему-то оказалась совсем не микстура. Странно, что пузырек, из которого Жюжеван поила Николая, сохранился. То есть странность заключалась даже не в этом, а в том, что пузырек после смерти Николая Прознанского сначала исчез (мамаша унесла, якобы, к себе, для чего спрашивается?), потом появился (по просьбе доктора), а потом оказался наполнен чем-то, что не было микстурой. Если в этом пузырьке действительно яд (что весьма вероятно), то почему отравитель не озаботился его уничтожением? Для отравителя первая задача – это сокрытие истинного пути попадания яда в организм жертвы. Никто особо за пузырьком не присматривал. Жюжеван имела доступ к нему в течение продолжительного времени после того, как по настоянию доктора пузырек вернулся на свое законное место в спальне Николая. Впрочем, и остальные члены семьи имели точно такой же доступ. Нет ли в этом продуманной инсценировки? Другими словами, не выставлен ли злоумышленником этот пузырек напоказ в расчёте на то, что следствие вцепится в него, как дурная собака в палку?

Шумилов беспрепятственно вошёл в подъезд дома, где находилась квартира Прознанских, и начал было подниматься по лестнице, как вдруг услышал за своей спиной покашливание. Никто следом за Шумиловым в подъезд не заходил, однако, за спиной у него безо всяких сомнений находился человек. Шумилов оглянулся и не без удивления увидел одного из понятых, присутствовавших во время обыска в квартире Прознанских; теперь молодой мужчина был одет в шитую золотом ливрею и начищенные сапоги из красной кожи. Он выглядывал из небольшого закутка в углу площадки первого этажа, искусно замаскированного большим витражным стеклом и небольшой дверью. Ни сейчас, ни во время первого посещения дома, Шумилов даже не заподозрил, что там может находиться швейцар.

– Здравствуйте, Алексей Иванович, – ловко щелкнув каблуками, поприветствовал его швейцар.

– Здравствуйте, Са... Са..., – Шумилов постарался припомнить фамилию понятого, благо сам же не меньше трех раз ее записывал.

– Сабанеев, – подсказал мужчина в ливрее.

– Я к господину полковнику, – Шумилов сделал было шаг вверх по лестнице, но вдруг решил не спешить и спустился вниз, – Послушайте, Сабанеев, Вы регулярно находитесь здесь?

– По мере необходимости, – уклончиво ответил швейцар.

Что-то неуловимо подозрительное чувствовалось в поведении этого человека. Шумилов поймал себя на мысли, что и в прошлый раз, поглядев на дворников этого дома, испытал некое смутное беспокойство.

– Вы давно работаете здесь?

– Полтора года-с.

– К покойному Николаю Прознанскому часто приходили друзья?

– Бывали-с, как часто, ответить затрудняюсь, – опять уклончиво ответил швейцар.

Теперь Шумилов уверенно мог сказать, что именно настораживало его в этом человеке: тот нисколько не боялся работника окружной прокуратуры. Шумилов не то чтобы привык наводить на людей ужас, просто он хорошо знал, что от человека в мундире министерства юсти-

ции не отмахнется даже генерал, что ж тут говорить о людях неблагородного сословия! Дворники, швейцары, разносчики, торговцы с лотков, поденные рабочие перед прокурорским мундиром трепетали, ибо обладатель его согласно законам Империи был могущественнее самого страшного околоточного и даже станowego полицейского. Но в данном случае швейцар в красных сапогах был учтив, но абсолютно равнодушен.

– Девушки среди них бывали?

– Не могу ответить. Обратитесь с этим вопросом к его превосходительству полковнику Прознанскому.

Со стороны швейцара такой ответ был уже верхом нахальства, хотя и вполне корректного по форме. Шумилову стало по-настоящему интересно:

– А если я официально вызову тебя на допрос и спрошу об этом?

– Сие невозможно-с, – после секундного колебания ответил швейцар, – Я не подлежу допросу.

Несмотря на корявость формулировки, Шумилов понял, что тот хотел сказать. Сабанеев был штатным сотрудником Третьего отделения, легендированным в «швейцара», и в случае официального вызова на допрос ему бы пришлось либо сообщить о себе ложные сведения (тем самым совершив уголовно наказуемое в России деяние), либо разоблачать себя. На последнее он не мог пойти, не получив предварительно санкции руководства. Все легендированные сотрудники особо инструктировались на этот счет. Существовала особая, весьма громоздкая и сложная, процедура допроса таких лиц и привлечения их к расследованию в качестве свидетелей; в любом случае, решение этого вопроса осуществлялось на уровне обер-прокурора и занимало не одну неделю. Нетрудно догадаться, что Третье отделение Его Императорского Величества канцелярии чрезвычайно не любило расшифровывать своих агентов и секретных сотрудников и всякий раз шло на это с величайшим сопротивлением.

– Тьфу, Сабанеев, что ты меня морочишь, – воскликнул Шумилов, – Так бы сразу и сказал. Остальные двое тоже?

– Так точно-с.

Теперь все стало на свои места. Стало понятно, почему в доме полковника Прознанского были такие крепкие и моложавые дворники. Шумилов лишь укорил самого себя за то, что не понял этого сразу. Случайное открытие Шумилова имело по крайней мере один большой плюс: теперь можно было быть абсолютно уверенным в том, что квартира жандармского полковника хорошо охранялась и злоумышленник не мог проникнуть туда незаметно. Если кто-то и подсыпал Николаю яд, то делал он это лишь прийдя в дом под личиной друга. Или брата. Или слуги...

– Подумайте хорошенько, Сабанеев, накануне смерти Николая Прознанского, то есть вечером 17 апреля, у него собирались друзья-студенты? – спросил Шумилов.

– Тут и думать нечего. Вечером накануне гостей у молодого Прознанского не было, – уверенно ответил швейцар, – Когда стало известно о смерти Николая Дмитриевича мы все – старший дворник и помощники – собрались и обсудили случившееся, вспоминали, кто что и когда видел подозрительное. Так что про вечер семнадцатого могу заявить с уверенностью и за себя, и за других: гостей не было. Гости были днем ранее, шестнадцатого числа, но днём и недолго.

– Сабанеев, Вы сказали, что вспоминали подозрительные моменты. А что, были такие? – уточнил Шумилов.

– Никак нет-с. Всё как у всех, обычная семья.

Расставшись, наконец, с «швейцаром», Шумилов поднялся к массивной дубовой двери в квартиру Прознанских и тренькнул звонком. На звонок колокольчика дверь отворила горничная в накрахмаленном черном переднике. Сама хозяйка, Софья Платоновна, одетая в строгое черное платье, встретила Шумилова в большой комнате, в которой накануне Шидловской

обращался к жителям квартиры. Платье ей не шло, лицо казалось бескровным, блёклым (хотя, кому идет траур?). Но глаза женщины утратили вчерашнюю красноту и опухлость, что свидетельствовало о нормальном сне. Она не выразила особого энтузиазма при виде Алексея Ивановича, по лицу пробежала тень, но безропотно согласилась ответить на все вопросы, ведь это все же было лучше, чем приезжать самой в прокуратуру для дачи показаний.

Шумилов был усажен в роскошное, но чрезвычайно неудобное, с высокой спинкой кресло, которое впивалось в спину.

«Что же там может так давить?» – думал про себя Шумилов. В комнату откуда-то из глубины квартиры доносились звуки рояля. Кто-то разучивал мазурку Глинки, старательно повторяя по несколько раз отдельные места.

– Софья Платоновна, возможно, мои вопросы покажутся Вам травмирующими, прошу заранее Вашего прощения.

– Для меня сейчас сама жизнь травмирующая, – спокойно отозвалась женщина. Шумилов поймал себя на мысли, что она чрезвычайно хорошо владеет собой.

– Расскажите мне, пожалуйста, о Николае. На каком факультете он учился, чем увлекался кроме химии?

– Николаша поступил на юридический – на том настоял отец. Да. Химию любил, литературу, много читал. Вы обратили внимание, сколько книг в его комнате? Это он сам их покупал, любил заходить в книжные лавки. Он вообще был очень умным, начитанным мальчиком.

– А с кем он дружил и много ли времени проводил вне дома?

– Да нет, он вообще был... домашним мальчиком. Конечно, последние год – полтора он проводил в компании друзей больше времени. Это всё были молодые люди нашего круга – Пётр Спешнев, Владимир Соловко, Андрей Штром. У нас они частенько бывали. Конечно, они и развлекались вместе – как обычно развлекаются – театр, обеды, именины, зимой – горки...

– Они и учились вместе с Николаем?

– Спешнев и Соловко – да, тоже на юридическом. А Штром, по-моему, занимался естественными науками.

– А вы не могли бы сообщить мне их адреса? – Алексей Иванович быстро записал на отдельном листе продиктованные адреса, – Скажите, Софья Платоновна, а были ли в жизни Николая романтические увлечения? Мы нашли среди его бумаг письмо от девушки, подписанное «В.П.»

– Это, по-видимому, Вера Пожалостина. Только я вас прошу, – Софья Платоновна посмотрела на Алексея Ивановича в упор, дабы убедиться, что он понимает серьезность момента, – не упоминайте её имени, пожалуйста. Она дочь почтенных родителей, отец – действительный тайный советник, имеет право прямого доклада Государю, матушка старинного уважаемого рода. Скомпрометировать юную девушку легко, а я себе этого не прощу. Да тем более, что и не было никаких отношений у Николаши с Верой, о которых можно было бы всерьёз толковать. Я вас очень прошу, Алексей Иванович, – для пущей убедительности своей просьбы Софья Платоновна коснулась рукой рукава Шумилова.

Алексей Иванович неловко кашлянул и со всей возможной почтительностью, на которую только был способен, ответил:

– Обещаю, Софья Платоновна, что без самой крайней нужды имя этой барышни оглашено не будет. По крайней мере я приложу к этому все усилия. А как протекала болезнь Николая?

– Ну, он заболел краснухой. Знаете, это вообще-то детская болезнь, но если заболевает взрослый человек, она протекает долго и мучительно. Коленька никак не мог поправиться, у него через 2 недели после начала болезни сильно распухли лимфатические узлы под ушами, в подмышках, но Николай Ильич, наш доктор, сказал, что это просто такое осложнение, организм борется. А когда переборет, Николаша сразу пойдет на поправку. Мы доктору вполне

доверяем, он знает... – она исправилась, – знал Коленьку с младенчества. И его лечение всегда помогало.

– А ничего необычного не было в последние дни перед кончиной?

– Да вы знаете, вроде бы ничего такого не происходило, но меня пугало выражение его глаз.

– Что вы имеете ввиду?

– Ну, не знаю. Что-то пугало. Он как-то так странно смотрел – загадочно, отстранённо, как из другого мира. Я иной раз даже пыталась заговорить с ним об этом, но не решалась. Знаете, когда дети маленькие, они – как открытая книга, а потом эта книга захлопывается и не пускает вас к себе. Но накануне смерти он был бодр и весел – его друзья часто навещали.

– Софья Платоновна, а м-ль Жюжеван много времени проводила с Николаем? Ведь она, кажется, ухаживала за ним во время болезни?

– Да, ухаживала... А чем ей ещё было заниматься? – в голосе хозяйки прозвучал вызов.

«Похоже, она обороняется от подозрений в том, что она – плохая мать, раз не она, а гувернантка ухаживала за её больным сыном. Сама придумала и сама же обороняется – как это поженски!» – подумал Шумилов.

Между тем Софья Платоновна продолжала:

– Пока дети были маленькие, она действительно была необходима им практически постоянно, она и жила у нас. Но дети подрастают, Николаша уже студент... был, Алексей почти студент, Наденька в гимназии. Конечно, Мари ещё занимается с Алексеем и Надей французским, игрой на фортепиано. Да и вообще мы привыкли к ней. А с Николашей она в основном проводила время не как учитель, а скорее как компаньонка. Мне в последнее время даже стало казаться, что ей следовало бы поумерить свой интерес к его делам. Ну, сами посудите, Алексей Иванович, когда женщина её возраста, а ей уж почитай 40, проводит весь вечер в компании молодых мужчин 18—20 лет, это выглядит несколько странно. Пару раз мне Алёша, сын, рассказывал, что она даже целовала Николая в присутствии его приятелей! – Софья Платоновна замолчала. Казалось, возмущение кипело у неё внутри и не давало продолжать. Наконец она справилась с собой:

– Я собиралась поговорить с ней об этом, но из-за Коленькиной болезни всё откладывала, откладывала... Но теперь уже непременно скажу, у меня ведь другие дети подрастают! – с этими словами Софья Платоновна прямо в упор посмотрела на Шумилова словно давая понять, что именно сейчас ей самое время устроить этот разговор, а Шумилову – терпеливо со всем согласиться, но неожиданно женщина остановила саму себя и совсем иным тоном сказала, – Извините меня, Алексей Иванович, мне очень нехорошо. Давайте отложим разговор на следующий раз и обойдемся пока без протокола.

Эта странная концовка, озадачила Шумилова. Особенно то, что плохо почувствовавшая себя женщина не забыла о протоколе. Уже в передней, надевая поданное горничной пальто, Шумилов услышал звук закрываемой крышки рояля, донесшийся из-за неплотно прикрытой двери, шуршание юбок и голоса. Тот голос, что был постарше, прощался до завтрашнего дня. «Очень кстати», – подумал Алексей Иванович, выходя на парадную лестницу. Судя по всему, у него появлялась неплохая возможность пообщаться с м-ль Жюжеван без предварительной договоренности, так сказать, экспромтом.

Пройдя мимо большого витражного стекла на нижней площадке, Шумилов краем глаза увидел за ним темный силуэт швейцара, который на самом деле вовсе не был швейцаром. Алексей Иванович решил, что сотруднику Третьего отделения не следует знать лишнего, а потому, выйдя на улицу, он прошел по набережной метров 30 в сторону и, подойдя к чугунным перилам, остановился. На воде прыгали солнечные блики, такие яркие, что от их блеска было больно глазам. Алексей Иванович зажмурился на мгновение, и, облокотившись о перила, стал внима-

тельно наблюдать за парадным подъездом, из которого только что вышел. Ждать ему долго не пришлось.

Минуты через четыре-пять тяжелая дверь подъезда отворилась и на тротуар ступил изящный остроносый сапожок. Его владелица, стройная, довольно высокая темноволосая женщина в шляпке с траурной вуалью, мелкой походкой направилась в сторону Шумилова. Это была м-ль Жюжеван. Шумилону представилась возможность рассмотреть её получше, чем накануне, в день обыска. Она была одета в серо-голубой лёгкий салоп с атласными лентами. Шляпка, перчатки, легкий кружевной шарфик – все детали тщательно продуманного туалета производили впечатление гармонии и хорошего вкуса. Владелица их была, по всей видимости, небогата, но в искусстве подбирать одежду обладала чутьём и чувством меры. Шагнув ей навстречу, Шумилов поздоровался. Напомнил ей о давешней встрече у Прознанских и спросил, можно ли с ней поговорить по дороге: «А кстати, куда вы направляетесь?»

– У меня сейчас урок в доме Прохорова, у Синего моста, – Жюжеван говорила с мягким, но хорошо различимым акцентом. Голос был выразительный, теплый.

– Позвольте, я провожу вас?

Они пошли рядом. Шумилов украдкой посматривал на её лицо. Она не была красавицей в обычном понимании, да и черты утратили девичью округлость, в уголках глаз притаились едва наметившиеся паутинки морщинок. Но взгляд женщины был живым, умным и, как вскоре понял Шумилов, очень выразительным. Ей можно было бы дать лет 25, самое большее 30.

– Давно вы живёте в России? – поинтересовался Шумилов.

– О да, давно, уже около 15 лет. А в детстве у меня была русская кормилица. О, это целая история!..

– Вы так хорошо говорите по-русски...

– Представьте себе, я иногда даже учу русскому языку. Дети в столичных семействах не знают русских сказок, я им читаю. Не смешно ли? Лишь в последние годы, из-за Балканских событий многие русские вспомнили о своем эпосе.

– О-о, французская подданная оказалась русофилом? – Шумилов ободряюще улыбнулся, – Скажите, м-ль Жюжеван, а то, что вы даете уроки в других домах, не вызывает неудовольствия Прознанских?

– Вообще-то нет, они понимают, что мне надо оплачивать квартиру, и что обо мне некому позаботиться. Предложений у меня много, потому что помимо французского я учу детей играть на фортепиано. Кроме того, я могу преподавать и историю, я знаю русскую литературу, былины и сказки. Но ведь вы хотели поговорить о смерти Николя, так?

– Да, если можно. Расскажите, что он был за человек?

– Он был хороший... – сказала она в задумчивости, – Но вот только очень одинокий.

– Одинокий? В его-то возрасте? А как же семья, родители? Да и друзья у него были.

– Родители... Они заняты собой, маман – домом и визитами, папа – ответственной и никому неведомой службой, – она произнесла маман и папа на французский манер с ударением в последнем слове, – его по-настоящему никто не понимал. Он много думал о жизни, он искал свой путь. Ему на самом деле не хотелось быть юристом, но слово Дмитрия Павловича – закон.

– А друзья?

– Желторотые юнцы, возомнившие себя знатоками жизни! Они хотели тащить Николя в свои разгулы – ужины у Бревера, рестораны, даже на Острова его возили! Ему это не особенно нравилось, но он втянулся, чтобы не быть... как бы это мягче выразиться... белой вороной. Вообще эти мальчики уже с 15 лет курят папиросы и пьют вино. Не удивлюсь, если они и в бордель его возили! Я говорила маман, но она не взяла во внимание, говорит, все так делают в их кругу. И просила меня по возможности присматривать за ним, особенно когда эти приятели бывают в доме.

– Скажите, а он влюблялся?

М-ль Жюжеван коротко взглянула на Шумилова и, устремив затем взгляд прямо перед собой, нехотя заметила:

– Была одна пассия... Она помучила его вдоволь и дала отставку. Я мельком слышала обрывок разговора: Спешнев, приятель Николя, такой маленький и очень гадкий на язык юноша, как-то раз с насмешкой сказал, дескать, что-то не помогает тебе твоя химия заполучить Царицу Тамару – это они так называли м-ль Веру Пожалостину. Николя очень болезненно переживал то, что она предпочла ему другого. Он, конечно, старался не подавать вида, но я-то знала!..

– А откуда Вы это знали, если не секрет?

– Ну, когда при упоминании имени девушки молодой человек краснеет, а при ней не смеет глаза поднять, то догадаться несложно... Ее брат учится вместе с Николя на юридическом, и она иногда вместе с братом бывала у Прознанских.

– Скажите, а как протекала его болезнь? Ведь это вы за ним ухаживали?

– Он заболел в начале апреля. Время шло, а ему становилось все хуже. Его очень беспокоили распухшие лимфатические узлы. Я предлагала вызвать другого доктора, но от меня только отмахнулись. Накануне смерти он был в таком подавленном настроении, что я даже хотела послать за его приятелем Федором Обруцким, он всегда мог развеселить Николя.

– А когда в последний раз вы давали ему лекарство?

– Это было вечером 17-го, в 9 часов. Я дала ему 2 ложки микстуры, как предписывал доктор.

– А кто доставил лекарство из аптеки?

– Да я сама и заказывала, и доставляла. И не только лекарство для Николя, а и для других членов семьи.

– А какие отношения были у Николая с братом и сестрой?

– Он не был с ними особенно близок, относился... как это... снисходительно, как к маленьким, особенно к Наде. Говорил... такое странное слово, фонвизинское – недоросли. Точно!

– М-ль Жюжеван, скажите, а в доме был морфий?

– Да, в кабинете у полковника, под замком. Вернее, он сначала просто так стоял в шкафу, но после истории с папиросами полковник его убрал под ключ.

– А что это за история? Расскажите.

– Да в общем ничего особенного. Это произошло второго апреля. У Николя собралась обычная компания – Спешнев, Штром, Сережа Павловский, Владимир Соловко... Я разливала чай. Николя закурил папиросу и говорит: «Какой-то странный вкус». А я точно помнила, что последнюю партию папирос сама крутила на папиросной машинке, ну, и удивилась, закурила сама. И тут что-то такое случилось – мне стало дурно. Настолько, что я села на пол и чуть не потеряла сознание. Такого никогда не было ранее. Меня тут же уложили в постель и я 3 дня была настолько слаба, что не могла выйти из дома. Пригласили доктора, он осмотрел папиросы и сказал, что папиросную бумагу кто-то предварительно пропитал раствором морфия. Дмитрий Павлович страшно рассердился, устроил домашнее расследование, построил всех в шеренгу, да-да, не смейтесь, он в иные минуты превращается в сущего Торквемаду! Домашний сыск плодов не дал; это, видимо, была первоапрельская шутка кого-то из детей. Просто они не ожидали, что получится такой эффект. В общем, как раз после этого случая Дмитрий Павлович и упрятал морфий под замок.

– А куда делись остальные «первоапрельские» папиросы? – Шумилов был чрезвычайно заинтригован услышанным.

– Полковник лично их уничтожил.

– Скажите, м-ль Жюжеван, а вам не доводилось ничего слышать о некоей молодежной радикальной группе, к которой мог примыкать покойный Николай? Может, кто-то из друзей Николая упоминал о чем-то подобном или он сам говорил?...

– Нет, никогда. А что, была такая группа?

– Как вы думаете, м-ль Жюжеван, у Николая были враги? Может, кто-то хотел его смерти?

– Вы все-таки думаете, что его убили? – она метнула испуганный взгляд на Шумилова. И замолчала. Чувствуя, что Шумилов ждет ответа, проговорила сумрачно:

– Нет, мне неизвестны его враги.

За разговором они подошли к дому Прохорова. Протянув на прощание руку в тонкой перчатке, м-ль Жюжеван пообещала заехать на следующий день в прокуратуру и подписать протокол. После чего она скользнула под козырек крыльца, оставив у Шумилова необъяснимое сожаление от того, что конечная точка маршрута оказался так близко. «Незаурядная женщина, – думал Алексей Иванович, – умна, наблюдательна. Однако не все в ее рассказе стыкуется с показаниями Софьи Платоновны. И почему это Прознанские – старшие не рассказали об истории с папиросами?» Но даже не это смутило Шумилова: самым настораживающим было то, что папиросы, пропитанные морфием, появились в доме Прознанских на следующий день после того, как канцелярия столичного градоначальника получила анонимку с рассказом о радикальной студенческой группе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.